

История и культура

УДК 37.018.324(09)(470.22)"1945/1950"

Вавулинская Людмила Ивановна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук;
Российская Федерация, Петрозаводск, e-mail: ludvav@mail.ru

ДЕТСКИЕ ДОМА В КАРЕЛИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1950)¹

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов Национального архива Республики Карелия рассматривается работа детских домов, которые в послевоенное десятилетие играли важную роль в устройстве детей-сирот. Показаны трудности в их работе, организация помощи детям со стороны местных органов власти, общественных организаций, пути социализации воспитанников детских домов. Подчёркивается, что в работе с воспитанниками детских домов слабо учитывались особенности их адаптации в обществе. В силу более слабой общеобразовательной и практической подготовки они в основном пополняли ряды рабочего класса и крестьянства. Вместе с тем основные задачи по организации государственной помощи матерям и детям в послевоенные годы в республике были выполнены.

Ключевые слова: *беспризорность, детские дома, трудовое воспитание, трудоустройство воспитанников.*

Lyudmila I. Vavulinskaya

PhD in Historical sciences,
Senior Researcher Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences;
Russian Federation, Karelia, Petrozavodsk

¹ Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011) «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)».

ORPHANAGES IN KARELIA IN THE POSTWAR YEARS (1945–1950)

Abstract. *The article on the basis of the documents of the National archive of the Republic of Karelia for the first time introduced into scientific circulation examines the work of orphanages, which in the postwar decade played an important role in the arrangement of orphans. Difficulties in their work, the organization of the help to children from local authorities, public organizations, ways of socialization of pupils of orphanages are shown. It is emphasized that the peculiarities of their adaptation in society were poorly taken into account in the work with children from orphanages. Due to the weaker General and practical training, they mainly joined the ranks of the working class and the peasantry. At the same time, the main tasks of organizing state aid to mothers and children in the post-war years in the Republic were fulfilled, many children from orphanages acquired a specialty.*

Key words: *homelessness, orphanages, labor education, employment of pupils.*

Для цитирования:

Вавулинская, Л. И. Детские дома в Карелии в послевоенные годы (1945–1950) // Гуманитарная парадигма. 2019. № 4. С. 59–72.

В последние десятилетия усилился интерес исследователей к проблемам детства и, в частности, ликвидации беспризорности и безнадзорности детей, организации их социальной защиты в послевоенные годы. Авторы анализируют причины детской беспризорности, основные формы и методы её профилактики, стратегии выживания беспризорных и безнадзорных детей в СССР, выясняют влияние государственной политики в сфере детства на повседневный мир детей и подростков [2; 3; 4; 11; 12; 15; 17; 18]. Особое внимание уделено работе детских домов, которые в послевоенное десятилетие играли важную роль в устройстве детей-сирот [1; 5; 6; 13; 16]. В исследованиях освещены основные аспекты жизни детей в детских домах: финансирование, жилищные условия, медицинское обслуживание, ситуация с кадрами, воспитательная работа, взаимоотношения детей и работников, трудности социализации воспитанников детских домов.

Региональные исследования, отражая местную специфику работы детских домов, позволяют более полно и разносторонне представить как положительные, так и негативные стороны их деятельности в послевоенные годы. В данной статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов Национального архива Республики Карелия нами рассмотрены трудности в работе детских домов республики, организация помощи детям со стороны местных органов власти, общественных организаций, пути социализации воспитанников детских домов.

В довоенные годы беспризорность и безнадзорность среди детей в республике была в основном ликвидирована. Существовавшая в те годы сеть детских домов вполне обеспечивала охват ими всех детей-сирот и полусирот. В 1941 году в Карело-Финской ССР (существовала с 31 марта 1940 г. до 16 июля 1956 г., когда вновь была преобразована в Карельскую АССР) работали 28 детских домов, в которых проживали 1 734 человека. Одним из тяжёлых последствий войны явился рост числа беспризорных детей-сирот. К началу 1945 года в республике работали 25 детских домов, насчитывавших свыше 2 тыс. воспитанников [7, д. 3170, л. 22]. Возвращение в республику эвакуированных жителей и тяжёлые условия послевоенного быта привели к существенному росту числа беспризорных детей и потребовали открытия новых детских домов. Возросшая потребность в увеличении численности детских домов была вызвана также тем фактом, что Указом Президиума Верховного совета Союза Советских Социалистических Республик от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» одиноким матерям было предоставлено право помещать рождённого ими ребенка на содержание и воспитание в детское учреждение. Исследователь Д. В. Седова справедливо замечает, что «возможность передачи ребенка на содержание и воспитание в детское учреждение позволяла Советскому государству эффективно использовать одиноких матерей, освобождённых от исполнения родительских обязанностей, а также самих несовершеннолетних детей старшего возраста в различных отраслях народного хозяйства. Более того, нахождение несовершеннолетних в детских учреждениях способствовало снижению темпов роста преступлений, совершённых несовершеннолетними. Таким образом, вышеуказанная мера нематериальной социальной поддержки скорее соответствовала задачам Советского государства того времени, нежели помогала одиноким матерям в решении семейных проблем» [14, с. 63].

В результате увеличения числа детей, нуждающихся в устройстве, сеть детских домов в республике выросла с 16 с контингентом 1 149 детей на 1 июля 1944 года до 27 детских домов (2 922 ребенка) на 1 июля 1946 года. Причём, из общего числа воспитанников детских домов 1 001 ребенок был принят от матерей-одинок. Наряду с этим, на 1 июля 1946 года было патронировано 1 256 детей. Всего, таким образом, детскими домами и патронатом было охвачено 4 176 детей [8, л. 26, 35]. На 1 января 1948 года в Карелии насчитывалось уже 35 детских домов с числом воспитанников 3 580 [7, д. 3170, л. 22].

В первые послевоенные годы детские дома испытывали большие трудности в своей работе: состояние ряда зданий было неудовлетворительным, не хватало мебели, матрацев, одеял, кастрюль, чайников, одежды и обуви для детей, кадров воспитателей детских домов. В тяжелейших условиях войны, с 1941 по 1945 гг., детскими домами республики не было получено ни одного одеяла, ни одного пальто и только 500 пар валенок. Для полного обеспечения воспитанников детдомов в июне 1945 г. требовалось 1 500 одеял, 1 500 пальто, 1 800 пар валенок [7, д. 1612, л. 22].

В докладной записке министра госконтроля КФССР Г. Бояринова секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Куприянову и председателю Совета Министров КФССР П. Прокконену от 30 апреля 1946 года говорилось: «Нормальных условий для ночного отдыха дети не имеют. Из-за отсутствия достаточного количества кроватей дети спят по двое на одной кровати, спят на скамьях и даже на полу. В Шуерецком школьном детском доме все 88 воспитанников спят по двое на кровати, под одним одеялом. В Сортавальском детском доме воспитанники из-за отсутствия одеял покрываются своим пальто, валенки, портянки сушат в спальном комнате. В Кемском школьном детском доме матрацы на кроватях грязные, набиты тонко, проваливаются между редко уложенными досками. Прикроватных столиков нет. Верхняя одежда хранится в спальном комнате, помещения не проветриваются. Уборные грязные, переполненные, коридоры загажены. Такие же факты имеют место и в ряде других детских организаций» [7, д. 1890, л. 62]. В Соломенском детском доме в августе 1946 года на 100 детей имелось 7 скамеек и 11 табуреток, и детям приходилось питаться в 5 смен [8, л. 36]. В то же время нередкими были случаи выдачи воспитателям в бесплатное пользование различного имущества детских домов. Так, в Салминском детском доме было выдано в бесплатное пользование 213 предметов твёрдого и мягкого инвентаря на сумму 9 767 руб., в Сортавальском детском доме — 20 предметов, в Святозерском детском доме роздано имущества на сумму 1 080 руб., в Кемском детском доме — на 1 085 руб. В Олонецком детском доме не взыскана стоимость кожтоваров на 5 пар сапог, отпущенных воспитателям и т. д. [9, д. 1213, л. 103].

В условиях жёсткого централизованного распределения и дефицита промышленных товаров и продовольствия детские дома снабжались в последнюю очередь. Трудности в обеспечении детских домов одеждой, обувью, жёстким и мягким инвентарём усугублялись слабым развитием отраслей легкой, пищевой и местной промышленности в республике, что было обусловлено традиционной ориентацией экономики на отрасли лесной и добывающей промышленности.

10 ноября 1944 года СНК СССР принял постановление, обязывавшее Наркомат местной промышленности, Совет промысловой кооперации (Промсовет) и союз кооперативных артелей инвалидов (Коопинсоюз) организовать на своих предприятиях производство не менее 30% всех чулочно-носочных изделий, трикотажного белья, верхнего платья, обуви и валенок для детей дошкольного и школьного возраста. Однако в производственных планах республиканских предприятий этих систем предметов детского ассортимента, за исключением детских деревянных кроватей и игрушек, не предусматривалось, и производство детских товаров носило случайный характер. На предприятиях Наркомместпрома за январь-сентябрь 1945 года для детских учреждений было изготовлено лишь 127 столов, 33 стула и 440 детских деревянных кроватей. В трёх артелях Управления Промкооперации при Совнаркоме республики (Кустпромкож, Кустпромшвей, Пимокатная) удельный вес продукции детского ассортимента составил только 1,5% от всей выпущенной артелями за этот период продукции, а в трёх артелях Коопинсоюза («Красный инвалид», «Север» и «Заря») — 1,3% [7, д. 1462, л. 126].

В силу ограниченности средств государство широко использовало испытанный метод привлечения общественности к решению социальных проблем. При детдомах были организованы попечительские советы, но, как отмечалось в отчёте начальника Управления детских домов Наркомпроса КФССР Кафыриной в отдел школ ЦК КП (б) КФССР в июне 1945 года, они работали слабо [7, д. 1612, л. 24]. Значительную помощь детям, оставшимся без родителей, оказывали предприятия, колхозы, общественные организации. Колхозы Пряжинского района помогли Вешкельскому детдому, выделив в 1945 году 5 овец, бычка, зерно. Общественные организации Петрозаводска предоставили Соломенскому детскому дому мебель, семена овощей, гвозди. Учреждения и организации города Кондопоги выделили Кяппесельгскому детдому часть посуду, табуреты, железо и лопаты [7, д. 1612, л. 24].

В первый послевоенный год среди молодёжи республики большой резонанс получил призыв комсомольцев помочь детям, потерявшим отцов на войне. По инициативе пионеров и комсомольцев был создан фонд помощи детям-сиротам. Открылись специальные детские столовые, выделялись дополнительные пайки для детей со слабым здоровьем, остро нуждающимся школьникам выдавались обувь, одежда, бельё.

Цели привлечения общественности к делу воспитания детей-сирот и оказания помощи детским домам в укреплении их материально-хозяйственной базы преследовали и проводимые по решению Совета Министров КФССР общественные смотры детских домов. Так, во время одного

из них, проходившего в 1947 году с 15 августа по 1 октября, при 25 детских домах были организованы попечительские советы, над 17 детскими домами принято шефство предприятий, колхозов и совхозов [9, д. 856, л. 180].

Отдельные профсоюзные организации установили постоянную связь с детскими домами, вели переписку с воспитателями. Так, работники РК профсоюза рабочих коммунально-жилищного строительства систематически выезжали в Деревянский детский дом, встречались с ребятами. Дорпрофсоюз Кировской железной дороги и республиканский комитет профсоюза работников леса и сплава выделили для воспитанников детских домов путёвки в пионерские лагеря. Но в целом шефство носило кампанейский характер и во многих случаях ограничивалось материальной помощью [7, д. 5415, л. 34–35].

Постепенно улучшалось снабжение детских домов, принимались меры по их благоустройству. К ноябрю 1948 года было электрифицировано 16 из 31 детского дома, радиофицировано 24, имели центральное паровое отопление 4 [9, д. 856, л. 178]. Только в 1947 году в детские дома было направлено 150 тыс. м текстильных изделий, 2 943 тыс. м шерсти, 8 тыс. пар кожаной и 1 тыс. пар валяной обуви, 11 212 шт. трикотажных и 6 310 шт. швейных изделий, 2 884 одеяла, 30 000 пар чулок, 600 железных кроватей [7, д. 3170, л. 23]. Однако осуществление денежной реформы в декабре 1947 года и связанный с ней рост цен на промышленные товары привели к значительному ухудшению снабжения детских домов одеждой и обувью, посудой, кроватями и такими мелочами, как пуговицы, швейные иглы и т. п. Обеспечены же валенками на зиму воспитанники детских домов были лишь за счёт производства местной промышленности.

Столь же трудно решались вопросы обеспечения детских домов продовольствием. Нормы снабжения часто нарушались, допускались замена и систематическая задержка выдачи продуктов. В Сортавальском детском доме санаторного типа в течение 10 дней в феврале 1946 года воспитанников кормили супом из овсяной крупы и 12 дней подряд — овсяной кашей [7, д. 1890, л. 66]. Вследствие отсутствия контроля за расходом продуктов со стороны городских и районных отделов торговли, здравоохранения и просвещения в детских учреждениях имели место значительные недостатки и хищения продуктов. В детские дома нередко зачислялись на питание дети, живущие у родителей. Только в Кемские, Шуерецкие и Куркиекский детские дома в 1945 году таким путём было зачислено 95 детей [7, д. 1462, л. 120].

В докладной записке главного контролера-ревизора КРУ Министерства финансов СССР по КФССР П. Семенова министру просвещения КФССР И. С. Беляеву по результатам ревизии детских домов (14 июня 1948 г.)

говорилося: «В большинстве детских домов питание организовано неудовлетворительно, отпускаемые по бюджету средства в значительной степени недоиспользуются, дети не получают в полном размере государственные нормы... В Салминском детском доме стоимость питания детей при норме 9 руб. в день составила в марте 1947 г. 5 руб. 63 коп., в мае — 5 руб. 42 коп., в сентябре — 5 руб. 86 коп., в октябре — 6 руб. 30 коп. Особенно плохо снабжались детские дома такими продуктами, как молоко, сметана, творог, яйца и др. Например, Беломорский детдом в 1947 г. получил по установленным правительством нормам ... яиц — 17, 5%, молока — 3%, сметаны — 30% и недополучил творога 300 кг. Салминский детский дом на протяжении 1947 г. получал только овсяную и ячневую крупы, никаких других круп не получал. В ряде детских домов отпускаемые на кухню продукты в полном размере до детей не доходят, растаскиваются обслуживающим персоналом. В Святозерском детском доме воспитательский и административно-обслуживающий персонал питался за счёт норм, отпускаемых детям, без оплаты стоимости продуктов. Внезапной проверкой кухни было установлено, что продукты были получены на 100 человек, а обедов изготовлено 120, из которых 20 предназначались персоналу детского дома. Такая же система во многих детских домах... В ряде детских домов содержались на бесплатном питании за счёт средств, отпускаемых из бюджета, дети сотрудников. По проверенным детским домам не были использованы ассигнования на сумму свыше 500 тыс. руб. и в то же время незаконно израсходовано средств, предназначенных на питание детей, свыше 156 тыс. руб.» [9, д. 1213, л. 94–98]. Как свидетельствуют документы, в республике имелись даже случаи дистрофии 1-й и 2-й степени (Кемский школьный детдом) [7, д. 1612, л. 23].

Справедливости ради, следует отметить, что в послевоенные годы трудно жилось не только детдомовцам. Первый послевоенный неурожайный год отрицательно повлиял на здоровье населения: 7% жителей республики болели дистрофией. Больных с тяжёлой формой дистрофии госпитализировали в больницах и во временных бараках. Совет Министров КФССР выделил для дистрофиков дополнительные пайки, а Министерство здравоохранения СССР направило в 1946 году в республику 12 тонн рыбьего жира, в 1947 году — ещё 64 т. [10, л. 92]. Жир распределялся среди детского населения с профилактической целью и выделялся для больных дистрофией. В результате проведённых мероприятий массовое заболевание пошло на убыль и в начале лета 1947 года было ликвидировано.

В 1945 году в целях улучшения питания воспитанников 26 детским домам Карелии были выделены земельные участки под посевы зерновых,

картофеля и овощей в количестве 49,3 га. В подсобных хозяйствах детдомов имелось 98 голов скота, в том числе молодняка 15 голов, лошадей — 9, коров — 45, свиней — 10, овец и коз — 9, птиц — 10. Труднее обстояло дело с тягловой силой: 18 детских домов не имели лошадей. Благодаря работе воспитанников в подсобных хозяйствах, а также сбору ягод и грибов ряд детских домов смог улучшить продовольственное положение. Так, в Куганаволокском детдоме Пудожского района дополнительно к государственным нормам было получено за счёт подсобного хозяйства 10 т картофеля, 1 200 кг овощей, 741,5 л молока, 54 кг мяса, собрано и засушено 17,6 кг черники; в Каршевском школьном детском доме того же района выращено 2 227 кг картофеля, 8 885 кг овощей, собрано и заготовлено 100 кг солёных и 7 кг сухих грибов, 13 кг сухой черники, 430 кг других ягод [7, д. 1612, л. 21–22]. К началу ноября 1945 года детские дома республики имели дополнительно к установленным государственным нормам питания со своих подсобных хозяйств: 121 т картофеля, 53,7 т овощей, 32,5 т зерновых. Кроме того, по постановлению СНК Карело-Финской ССР от 18 сентября 1945 г. на каждого воспитанника и работника детского дома было выделено картофеля и овощей по 7,5 кг на 10 месяцев [7, д. 1540, л. 60–63]. Однако весной 1946 года в ряде сельсоветов — Ладвинском (Прионежский район), Каршевском (Пудожский район), Шелтозерском (Шелтозерский район) — у детских домов были отобраны ранее закреплённые за ними земельные участки, а в некоторых вновь созданных детских домах к этому времени они так и не были выделены [7, д. 1840, л. 129].

Крупные недостатки отмечались в санитарном состоянии детских домов. В справке народного комиссара государственного контроля КФСР Г. Бояринова и главного контролера Наркомата госконтроля СССР И. Козьяна в ЦК КП(б) и СНК КФСР о результатах проверки медицинского и бытового обслуживания женщин и детей от 3 ноября 1945 г. отмечалось, что «в Пудожском дошкольном и школьном детских домах у всех детей обнаружена вшивость, дети не посещали баню по месяцу, уши и шеи у них грязные, ногти не острижены. Детское белье застирано и завшивлено. Наличие вшей установлено в большинстве проверенных детских домов» [7, д. 1462, л. 116]. По результатам проверки детских домов республики в апреле 1946 года в них отсутствовали зубные щётки и зубной порошок, а в отдельных детских организациях (Кемский детдом) не было кипячёной воды для питья и воспитанники пили сырую воду, в результате чего имели место случаи желудочно-кишечных заболеваний. Умывальниками и полотенцами большинство проверенных детских учреждений обеспечено не было. Например, в Соломенском детском доме весной 1946 года на

133 воспитанника имелся всего один умывальник, одним полотенцем пользовались 2 человека [7, д. 1890, л. 64]. Из-за острой нехватки медицинских кадров даже спустя 4,5 года после окончания войны², весной 1949 года, многие детские дома (Салминский, Шуерецкий, Колатсельгский) не имели освобождённых врачей. Стригушим лишаём в это время болели 74 воспитанника, но лечение не было организовано [9, д. 1213, л. 141].

Проявляя заботу о детях погибших воинов, Совет Министров КФССР 31 октября 1947 года принял постановление, предусматривавшее увеличение срока пребывания этих детей в детских домах до окончания полного курса семилетней школы. Однако проверка в 1948 году 10 детских домов показала, что в них содержалось 190 детей старше 14 лет, причём значительная их часть имела работоспособных родителей. Таким образом, незаконно расходовались крупные суммы государственных средств [9, д. 1213, л. 98].

Источники свидетельствуют о том, что государство контролировало проведение в жизнь социальной политики. Регулярно проводились проверки состояния детских домов, в целях борьбы с хищениями и разбазариванием государственных средств был усилен внутриведомственный контроль и контроль со стороны финансовых органов. За 9 месяцев 1948 года ревизиями Министерства просвещения и финансов охвачено 27 детских домов, что привело к улучшению учёта и отчётности [9, д. 856, л. 179].

Значительные трудности детские дома испытывали из-за нехватки кадров директоров, завучей, воспитателей, медицинских работников и пионервожатых. Заработная плата персонала сиротских детских учреждений была меньше, чем у работников массовых школ. Поэтому в детских домах работали преимущественно те педагоги, которые не могли устроиться в школу из-за низкой квалификации или каких-либо служебных проступков. Многие из работников детских домов компенсировали низкую зарплату тем, что питались за счёт воспитанников [2, с. 135]. Штат воспитателей детских домов в республике осенью 1945 года был укомплектован на 60%: вместо 274 имелось 164 специалиста, из которых лишь один — с высшим образованием, а 72 воспитателя, или 50%, с образованием ниже среднего [7, д. 1462, л. 121]. Положение мало изменилось к концу 1946 г.: из 112 воспитателей, не имевших среднего образования, учились только 24 [9, д. 669, л. 3].

Между тем воспитанники детских домов требовали к себе особого подхода. Многие из них испытали тяготы беспризорной жизни, отставали в учёбе от сверстников, проживавших в семьях, поэтому возможности

² Военные действия на территории КФССР окончательно завершились 30 сентября 1944 г.

получения среднего и высшего образования для воспитанников детдомов были ограниченными. В 1946–1948 гг. не успевали до 20% учащихся [7, д. 3170, л. 24; 9, д. 669, л. 2]. Среди причин слабой успеваемости были текучесть детей, недостаток тёплой одежды и обуви, отсутствие необходимого количества школьных площадей, недостаточная обеспеченность школьными принадлежностями.

Справедливо замечание М. Р. Зезиной о том, что «никакой системы реабилитационного воспитания детей, пострадавших от войны, не существовало. Государственная помощь этим детям сводилась к элементарному выживанию... В детских сиротских учреждениях, которые должны были подготовить своих воспитанников к самостоятельной жизни, труду уделялось особое внимание. Вся система профессионального обучения в детских домах и колониях была ориентирована на рабочие специальности» [2, с. 134–135].

Ориентация на трудовое воспитание в детских домах была закреплена СНК СССР и ЦК ВКП (б) ещё в 1930-е гг. постановлением от 31 мая 1935 года «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», в котором указывалось на необходимость установить во всех детских домах в соответствии с возрастом трудовой режим, обеспечивающий привитие детям трудовых навыков и овладение определённой профессией ко времени выхода из детского дома путём организации мастерских при детских домах, а также прохождения производственной практики на предприятиях [9, д. 1213, л. 104].

В послевоенные годы это важнейшее направление в работе детских домов сохранилось. Дети обслуживали себя, привлекались к посильной работе в подсобном хозяйстве, обучались в мастерских. Однако в силу неукomплектованности инспекторами по труду, отсутствия инструментов и сырья для оборудования мастерских при детских домах их организация вызывала большие затруднения. Из имеющихся в республике в апреле 1946 года 19 школьных детских домов учебно-производственные мастерские были созданы только в 6 домах: в Пудожском — сапожная, столярная и швейная мастерские, в Ладвинском, Вешкельском, Салминском и Олонецком — столярная и швейная, в Кемском — столярная. Под руководством инструкторов по труду дети изготавливали линейки, ручки, табуреты, столы, игрушки, проводили ремонт мебели, починку поношенного белья и платья, пошив нового. В Кемском детском доме были организованы занятия по авиамоделированию. Во многих детских домах работали кружки по художественному вышиванию [9, д. 669, л. 2, 3]. В Заозерском детском доме дети сделали несколько комплектов шашек и домино для себя, 4 раза в неделю работала швейная мастерская, где обучались все девочки (пошив

рубашек, наволочек, вязание чулок из тряпок, вышивание шторок и салфеток). 12 воспитанников детского дома один раз в неделю занимались в переплётном кружке и сами переплели все книги. В летнее время мальчики изготавливали кирпичи для ремонта печей [7, д. 1612, л. 24].

К середине 1949 года при школьных детских домах имелось 16 мастерских, из них 6 столярных, 1 слесарная, 9 швейных. В них обучалось 975 воспитанников. Мастерские испытывали большие затруднения с приобретением оборудования. В республике подобное производство не было организовано, а в централизованном порядке оборудование для мастерских не отпускалось, покупка же его в магазинах была запрещена. В 1948 году Министерству просвещения республики с трудом удалось приобрести 55 швейных машин вместо необходимых 200 [9, д. 1213, л. 138].

В целом система профессионального обучения в детских домах была ориентирована на рабочие специальности. Острая нехватка людских ресурсов требовала притока рабочей силы в промышленность, строительство и сельское хозяйство. Воспитанники детских домов направлялись преимущественно на производство, в ФЗО и ремесленные училища. В 1947 году из детских домов системы Министерства просвещения было трудоустроено 475 человек, в том числе в школы ФЗО и ремесленные училища 82 человека, на предприятия и в совхозы — 239 человек, в техникумы и педучилища — 54 человека [9, д. 856, л. 176]. В 1948 году трудоустроен 171 воспитанник детских домов, из них в ремесленные училища 118, в ФЗО — 28, в профтехшколу — 25 человек. Учились в техникумах 50 и продолжили учёбу в 8-х классах только 5 человек. Министерство просвещения республики, обращаясь в Совет Министров КФССР (апрель 1949 г.) сетовало на то, что Управление трудовых резервов не обеспечивало первоочередного приёма воспитанников в ремесленные училища и ФЗО [9, д. 1213, л. 139].

Исследователи проблем послевоенного детства отмечают трудности социализации воспитанников детских домов и особенно их трудоустройства [6, с. 108]. Руководители многих предприятий старались не принимать на работу бывших детдомовцев. В докладной записке министра государственного контроля КФССР Г. Бояринова председателю Совета Министров республики В. М. Виролайнену и секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянову о неудовлетворительной работе по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей (1948 г.) подчёркивалось: «Министерство просвещения Карело-Финской ССР и исполкомы городских и районных советов не интересуются судьбой детей, направленных на предприятия, тогда как нормальные материально-бытовые условия для них в предприятиях и организациях министерств и ведомств не были созданы. Имеются многочисленные факты,

когда дети предоставлены самим себе, никакой воспитательной работы с ними не производится, труд их не организован. Так, например, группа бывших воспитанников детских домов, направленных на работу в совхоз „Прилив“ в декабре 1947 г., сообщала в отдел детских домов Министерства просвещения КФССР: „Мы живём по-старому: грязные, рваные и голодные, носить и одевать нечего, кормят одним супом в обед, больше ничего, работы нет и не дают... Хлеба по 5 дней не видим, в воскресенье совсем голодные с утра до второго дня до обеда. Если нам директор (детдома) не поможет, мы не проживём зиму». Министерством просвещения Карело-Финской ССР никаких мер для улучшения материально-бытовых условий бывших воспитанников не было предпринято. Бывшие воспитанники детского дома Каральчук и Федотова, трудоустроенные в артель Карелфинкоопинсоюза в декабре 1947 г., писали на имя зам. председателя Совета Министров СССР тов. Молотова: „Мы учимся в швейной, нам очень трудно... мы получаем только 500 гр. хлеба, никаких продуктов не дают. Ходим в рваных ботинках и в жакетах рваных. На нас никакого внимания не обращают. Мы везде ходим, но нас не хотят и смотреть. Мы не виноваты, что у нас отцы погибли на фронте, а матери умерли и сейчас никому не нужны и также квартиры нету, скитаемся по чужим людям“. Отдел народного образования Сортавальского горсовета ограничился выдачей Каральчук и Федотовой по 50 руб., а председатель правления артели Грязнов Г. П. вместо улучшения материально-бытовых условий этих детей, с 1 марта 1948 г. уволил их с работы... Некоторые руководители предприятий всеми способами пытались освободиться от подростков, принятых на работу из детских домов, как от лишней обузы. Директор Сортавальской суконной фабрики Акимов отказался принять на работу воспитанниц Лахденпохского детского дома по причине отсутствия общежития. Бывший директор Сортавальского совхоза № 1 Гагарин Ф. М. из 9 трудоустроенных воспитанников детских домов без согласования с комиссией по устройству детей уволил с работы 7 подростков. Также без согласования с указанной выше комиссией уволены из Сортавальской разнопромартели бывшие воспитанники детского дома Суровцев и Баранов. В результате бюрократического отношения к вопросам создания нормальных бытовых условий для трудоустроенных последние самовольно покидали работу... По состоянию на 23 марта 1948 г. в совхозах министерства совхозов Карело-Финской ССР осталось 59 подростков, бывших воспитанников детских домов (из 98 человек, прибывших в совхозы), остальные 39 подростков выбыли [7, д. 3170, л. 32–35].

Исследовательница послевоенного детства М. В. Ромашова отмечает, что вынужденный труд, с одной стороны, дисциплинировал неуправляемых подростков, с другой — слишком быстро интегрировал недавних детей во

взрослый мир. Всё это могло вызвать со стороны подростков ожесточение и озлобление к нему [13, с. 286]. С 1949 года было запрещено направлять воспитанников детских домов на предприятия без предварительного обучения их в ремесленных или сельскохозяйственных училищах. Это избавляло предприятия от неквалифицированной рабочей силы, а подросткам давало возможность получить специальность и рабочий разряд до поступления на работу. С 1952 года детские дома получили право устраивать своих выпускников на работу [2, с. 135].

Таким образом, в послевоенный период были приняты существенные меры по устройству детей-сирот и ликвидации детской беспризорности. В силу тяжёлых условий послевоенного времени, разрухи, нехватки денежных средств и материальных ресурсов, а иногда и недобросовестности ответственных лиц не все проблемы удалось решить, но основные задачи по организации государственной помощи матерям и детям в республике были выполнены. Улучшились материальные, санитарно-бытовые условия воспитанников детских домов, многие из них приобрели специальность. Важной составляющей системы социальной защиты детей являлось участие общественности, однако зачастую оно носило кампанейский разовый характер. В то же время «государственная помощь детям-сиротам не компенсировала неравенства их социальных возможностей» [2, с. 135]. В работе с воспитанниками детских домов слабо учитывались особенности их адаптации и социализации в обществе. В силу более слабой общеобразовательной и практической подготовки они в основном пополняли ряды рабочего класса и крестьянства.

Литература и источники

1. Гордина, Е. Д. Детские дома в Горьковской области в послевоенный период (1946–1948 гг.) // Вопросы истории. 2017. № 12. С. 123–128.
2. Зезина, М. Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–136.
3. Зезина, М. Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР // Педагогика. 2000. № 3. С. 58–67.
4. Зубкова, Е. Ю. Дети войны: положение и стратегии выживания беспризорных и безнадзорных детей в СССР. 1942–1948 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 52–65.
5. Коренюк, В. М. Послевоенная повседневность воспитанников детских домов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 3–2. С. 58–64.
6. Мамяченков, В. Н. Без вины виноватые (условия жизни детей-детдомовцев Свердловской области в 1948–1949 гг.) // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 104–108.

7. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-8 (ЦК Компартии Карело-Финской ССР). Оп. 1, дд. 1462, 1540, 1612, 1840, 1890, 3170, 5415.

8. НА РК. Ф. Р-1394 (Совет Министров Карело-Финской ССР). Оп. 3, д. 1164.

9. НА РК. Ф. Р-1394 (Совет Министров Карело-Финской ССР). Оп. 6, дд. 669, 856, 1213.

10. НА РК. Ф. Р-2796 (Министерство здравоохранения Карело-Финской ССР). Оп. 3, д. 5/39.

11. Рокутова, О. А. Военное и послевоенное детство. Опыт социальной защиты в 1941–1950 гг. Самара: Ас Гард, 2013. 235 с.

12. Ромашова, М. В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 34 с.

13. Ромашова, М. В. Исключение из правил: советские детские дома в послевоенное десятилетие // Астафьевские чтения (ноябрь, 2008). Время «Веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. Пермь: Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», 2009. С. 275–286.

14. Седова, Д. В. Об отдельных мерах государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 8 июля 1944 г. // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 3 (5). С. 62–64.

15. Славко, А. А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 33–43.

16. Славко, А. А. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 79–88.

17. Славко, А. А. История беспризорного и безнадзорного детства в России (конец 1920-х – начало 1950-х годов). Чебоксары: Перфектум, 2012. 399 с.

18. Смольникова, Н. А. Социальная работа с детьми-сиротами в Сталинградской области в послевоенные годы // Материалы научной сессии. Волгоград, 27–28 апреля 2017 г. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2017. С. 230–234.